

Б-19

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

КАНЕВА И. Т.

СПРЯЖЕНИЕ ШУМЕРСКОГО ГЛАГОЛА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ГЕРОИЧЕСКОГО
ЭПОСА)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ЛЕНИНГРАД
1965

Диссертация выполнена при Ленинградском отделении института народов Азии Академии наук СССР.

Уважаемый товарищ!

Направляем Вам для ознакомления автореферат диссертации г. И. Т. Каневой «Спряжение шумерского глагола (на материале текстов героического эпоса)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Защита диссертации намечена на

Ваши замечания по автореферату просим сообщить в Ученый совет восточного факультета ЛГУ.

Шумерский язык — язык, на котором говорили древнейшие жители современного Ирака. Первые памятники на этом языке известны с конца IV тысячелетия до н. э. К середине II тыс. до н. э. шумерский язык перестает быть разговорным и продолжает существовать только как письменный язык. Последние письменные памятники на шумерском языке датируются I в. н. э.

Глава I

СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Научное исследование шумерского языка началось в первой половине XX века. Большой вклад в дело изучения шумерского языка внесли Ф. Тюро-Данжен, Ф. Делич, А. Пибель, А. Даймель, А. Фалькенштейн, Р. Жестен, Э. Сольберже, В. Кригман, А. П. Рифтин, В. В. Струве, С. Н. Крамер, Д. О. Эдкард, А. Салонен и П. Сиро.

Однако многие вопросы шумерской грамматики до сих пор остаются спорными. В первую очередь это касается шумерского глагола, занимающего в грамматике центральное место и, в частности, спряжения шумерского глагола.

Прежде чем перейти к изложению существующих в настоящее время разногласий по вопросу о спряжении шумерского глагола, нам кажется целесообразным дать краткое описание структуры шумерского глагола.

Шумерский язык относится к агглютинативным языкам, т. е. грамматические значения выражаются в нем с помощью отдельных показателей, присоединяющихся к неизменяемой основе слова. К глагольному корню в шумерском языке могут присоединяться префиксы и суффиксы. Грамматические показатели, которые ставятся перед глагольным корнем, мы будем называть префиксами (ряд

исследователей называют префиксами только первые два из них, а остальные называют инфиксами). Показатели, стоящие после глагольного корня — суффиксами.

Глагольных префиксов в шумерском языке шесть, и все они занимают определенную позицию перед глагольным корнем, а именно: на первой позиции, дальше всего от корня, стоят префиксы наклонения, передающие позитивное или негативное пожелание. Вторую позицию занимают так называемые префиксы спрягаемой формы глагола, которые всегда обязательно присутствуют в любой спрягаемой форме глагола. На третьей, четвертой и пятой позициях стоят префиксы, отражающие падежные отношения, существующие в предложении. Наконец, на шестой позиции, непосредственно перед глагольным корнем, стоят либо показатели субъекта либо прямого объекта.

Говоря о субъектных и объектных показателях в глагольной форме следует иметь в виду, что фактически и в том и в другом случае речь идет о субъектных показателях, только в первом случае — о показателях «субъекта действия», во втором — о показателях «субъекта состояния».

Дело в том, что шумерский язык относится к языкам с эргативной конструкцией. Характерной чертой типичных языков с этой конструкцией является отсутствие категории прямого объекта. То, что в активно-пассивных языках называют прямым объектом, в языках с эргативной конструкцией представляет собой субъект состояния, наступившего в результате данного действия и выражается падежом субъекта (в шумерском языке абсолютным падежом). В дальнейшем изложении, следуя традиционной терминологии, «субъект состояния» при переходном глаголе мы будем называть «прямым объектом». Логический субъект действия при переходном глаголе стоит в косвенном падеже, в эргативном (в шумерском языке его показателем является суффикс — e). Глагольная форма в шумерском языке может согласоваться с обоими субъектами.

После глагольного корня могут стоять следующие суффиксы: непосредственно за глагольным корнем суффикс — e(d), точное значение которого до сих пор не выяснено. На второй позиции после глагольного корня стоят показатели субъекта или прямого объекта.

Существующие в настоящее время разногласия по вопросу о спряжении шумерского глагола сводятся к следующему:

1. А. Пибель и А. Фалькенштейн считают, что для шумерского языка было характерно деление глаголов на переходные и непереходные, и что те и другие глаголы различались формально.

Правда, между А. Пибелем и А. Фалькенштейном есть разногласия по вопросу о том, сколько форм спряжения имел непереходный глагол: А. Пибель считает, что две, А. Фалькенштейн, что одну. Для спряжения шумерского глагола А. Пибель дал следующие парадигмы.

Активный Praeteritum

ед. число	м. число
1 л. -'	1 л. -пгэ-
2 л. -e-	2 л. -ene-
3 л. акт. -п-	3 л. -п- ... es
3 л. пас. -b-	

Активный и непереходный Praesens-Futurum

ед. число	мн. число
1 л. -ep	1 л. -enden
2 л. -ep	2 л. -enzen
3 л. -e	3 л. -ene

Непереходный Praeteritum (Permansivum)

ед. число	мн. число
1 л. ep	1 л. -enden
2 л. -ep	2 л. -enzen
3 л. —	3 л. -es ^v

Парадигмы, установленные А. Фалькенштейном, аналогичны парадигмам А. Пибеля за исключением «непереходного Praesens-Futurum'a», который, по его мнению, у непереходного глагола не существовал.

Сторонники другого направления — Ф. Делич, А. Даймель, Э. Сольберже, Р. Жестен и В. Кристиан — отрицают деление шумерских глаголов на переходные и непереходные и считают, что переходное или непереходное значение глагола определялось контекстом. В соответствии с этим переходные и непереходные глаголы, по их мнению, формально не различались. Парадигмы, предлагаемые ими, выглядят так:

Praeteritum

ед. число	мн. число
1 л. —	1 л. —
2 л. —	2 л. —
3 л. —	3 л. -es ^v

Praesens-Futurum

ед. число	мн. число
1 л. -en	1 л. -enden
2 л. -en	2 л. -enzen
3 л. -e	3 л. -ene

(Приведенные формы Praesens-Futurum даны по Р. Жестену и В. Кристиану. По мнению Ф. Делича и Э. Сольберже, шумерский глагол в Praesens-Futurum во всех лицах имел суффикс -e, а в 3 лице мн. числа, кроме того, суффикс -ene).

2. Согласно теории А. Пибеля и А. Фалькенштейна, в шумерском переходном глаголе находил отражение не только субъект, но и прямой объект. В принципе все представители второго направления, за исключением А. Даймеля, согласны с этим. Однако, в вопросе о показателях прямого объекта нет единодушия.

А. Пибель признавал отражение прямого объекта только в Praeteritum и считал его показателями субъектные показатели «непереходного Praeteritum». В Praesens-Futurum эти показатели, по его мнению, не употреблялись, так как иначе появились бы громоздкие формы.

Префиксы -n- и -b-, согласно А. Пибелю, в Praeteritum могли отмечать субъект и каузатив, в Praesens-Futurum — только каузатив.

К показателям прямого объекта, предлагаемым А. Пибелем, А. Фалькенштейн добавляет префиксы -n- и -b-, первый для прямого объекта 3 лица ед. числа соц.-акт. класса, второй для прямого объекта 3 лица ед. числа соц.-пас. класса.

Эти показатели, по мнению А. Фалькенштейна, в принципе могли употребляться как в Praeteritum, так и в Praesens-Futurum. Но практически все они, кроме префиксов -n- и -b-, засвидетельствованы только в Praeteritum. В Praesens-Futurum они, очевидно, не употреблялись из-за громоздкости форм. А. Фалькенштейн делает исключение для форм 3 лица ед. числа, где при субъектном показателе -e столкновения показателей не происходило, поэтому постановка показателей прямого объекта была возможна.

Префиксы -n- и -b-, таким образом, по А. Фалькенштейну, в Praesens-Futurum отмечали прямой объект, в Praeteritum — в основном прямой объект, реже субъект.

Ф. Делич признавал отражение прямого объекта в глаголе наряду с отражением в нем других падежных отношений, существующих в предложении. Показателями винительного падежа в глаголе

он считал префиксы -ni- (-nīn-, -nīb-) и -nen-¹. В виде префиксов отражался в глаголе винительный падеж и по мнению Э. Сольберже. Р. Жестен показателями прямого объекта в глаголе соглашался считать суффиксы -en-, -e-, -enden-, -enzen-, -ene-. Правда, по его мнению, в роли показателей прямого объекта они выступали крайне редко. Префиксы -n- и -b-, по Р. Жестену, имеют эмфатический характер. У В. Кристиана, напротив, префиксы -n- и -b- являются единственными показателями прямого объекта. Суффиксы -en-, -e- и т. д., по его мнению, отмечали в глаголе только субъект.

Причину существующих разногласий по вопросу о спряжении шумерского глагола, по-видимому, следует искать в том факте, что в древние периоды развития шумерского языка показатели субъекта и прямого объекта графически отмечались довольно редко. Это явление, по-видимому, можно объяснить тем, что в древние периоды развития шумерского языка, когда он был еще разговорным, грамматические показатели, графически не отмеченные, были слышны при чтении и поэтому необходимости в их отражении не было. Однако, с течением времени, когда шумерский язык превращается в мертвый, письменный, эта необходимость появляется, и грамматические показатели начинают отмечаться на письме.

В связи с этим огромное значение получает исследование шумерского языка по отдельным периодам. Исследованию отдельных периодов шумерского языка посвящена грамматика А. Фалькенштейна (новошумерский период) и работа Э. Сольберже (старошумерский период). Но никто до сих пор не занимался специально изучением текстов ранней ступени позднешумерского периода (XX—XVIII вв. до н. э.).

Отдельную группу среди текстов этого периода составляют героико-эпические тексты. В настоящее время нам известно около десятка героико-эпических поэм. Из них изданы пока только пять: «Гильгамеш и ива», «Смерть Гильгамеша», «Гильгамеш и гора бессмертных», «Гильгамеш и Ага» и «Энмеркар и верховный жрец Аратты».

Выбор этих текстов для диссертационной работы о спряжении шумерского глагола объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, в них более последовательно отмечаются грамматические показатели, чем в текстах старошумерского и новошумерского периодов. Во-вторых, в силу особенностей сюжета в них встречаются грамматические формы, редко наблюдаемые в других текстах (напри-

¹ Как было доказано позднейшими исследователями, сочетания -nīn-, -nen-, -nīb- состоят из двух разных показателей: дательно-локативного -nī-, -ne- и префикса -n- или -b-.

мер, второе лицо). В-третьих, в эпических текстах, несмотря на их позднюю дату, довольно редко попадаются ошибочные, неправильные написания и слабо ощущается влияние аккадского языка.

Глава II

СПРЯЖЕНИЕ ШУМЕРСКОГО ГЛАГОЛА НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

В данной главе на материале шумерского героического эпоса делается попытка установить типы спряжения шумерского глагола.

§ I. НЕПЕРЕХОДНЫЙ ГЛАГОЛ

В исследуемых текстах засвидетельствованы глагольные формы с переходным значением и с непереходным. Для глагольных форм с непереходным значением удалось составить только одну парадигму спряжения, способную выражать как завершенное, так и незавершенное состояние, а именно:

ед. число	мн. число
1 л. -ep	1 л. -enden
2 л. -ep	2 л. -enzen
3 л. —	3 л. -es

В текстах эпоса засвидетельствованы лишь два примера, где глаголы с непереходным значением в 3 лице ед. числа имеют окончание -e. Судя по контексту, их следует понимать как формы с суффиксом -ed > -e.

Исследование текстов эпоса показало, что не все глаголы с непереходным значением спрягались по указанному типу. Определенная группа глаголов движения, сохраняя непереходное значение, спрягалась по переходному типу. Поскольку это явление до сих пор не было учтено в существующих грамматиках, подробнее о нем говорится в специальном разделе.

К числу глаголов, имеющих непереходное значение, но спрягающихся по переходному типу, следует отнести, как показали материалы эпоса, и некоторые составные глаголы (в шумерском языке составными называются глаголы, основа которых состоит из глагольного корня и именной части). Переходный тип спряжения этих глаголов, по-видимому, объясняется тем обстоятельством, что их именная часть продолжала выполнять роль формального прямого объекта. Подробнее об их спряжении говорится в следующем разделе, посвященном спряжению переходных глаголов.

ПЕРЕХОДНЫЙ ГЛАГОЛ

Материалы эпоса подтвердили точку зрения А. Пибеля и А. Фалькенштейна, согласно которой в переходном глаголе отмечался не только субъект, но и прямой объект. Спряжение переходного глагола, как показали исследуемые тексты эпоса, могло быть чисто субъектным, когда в глаголе отмечался только субъект, и субъектно-объектным, когда в глаголе находили отражение и субъект и прямой объект одновременно. В субъектно-объектном спряжении как и в чисто субъектном, различались два вида, условно называемые Praeteritum и Praesens-Futurum.

§ II. PRAETERITUM. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

В результате исследования форм Praeteritum, в которых одновременно отражены субъект и прямой объект, удалось установить следующие показатели субъекта и прямого объекта.

Показатели субъекта: 2 лицо ед. числа — префикс -e-, 3 лицо ед. числа соц.-акт. класса — префикс -n-.

Поскольку приведенные показатели совпали с субъектными показателями, предлагаемыми А. Пибелем и А. Фалькенштейном для тех же лиц Praeteritum, всю систему субъектных показателей можно восстановить следующим образом (восстановленные показатели взяты в круглые скобки):

ед. число		мн. число
1 л.	(-?-)	1 л. (-me-)
2 л.	-e-	2 л. (-e- ... -a-(e)ne)
3 л. соц.-акт.	-n-	3 л. (-n- ... es)
3 л. соц.-пас.	(-b-)	

Показатели прямого объекта: 1 лицо ед. числа — суффикс -ep, 3 лицо ед. числа соц.-пас. класса — префикс -b- (для 3 лица ед. числа соц.-акт. класса соответственно можно предположить префикс -n-), 3 лицо мн. числа — суффикс -es.

Судя по данным эпоса, субъектно-объектное спряжение в Praeteritum было мало распространено. Очевидно, это объясняется тем, что частота встречаемости глагольных форм с прямым объектом 1 и 2 лиц ед. и мн. числа была мала, а наиболее употребительные формы Praeteritum 3 лица ед. числа с прямым объектом 3 лица ед. числа, как правило, совпадали с формами субъектного спряжения. Исключением из этого правила являются три примера, засвидетельствованные в исследуемых текстах, где в глагольных фор-

мах 3 лица ед. числа соц.-акт. класса с прямым объектом соц.-пас. класса отмечается прямой объект с помощью показателя -b-, что, возможно, является архаизмом.

§ III. PRAETERITUM. СУБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

На основе форм Praeteritum с чисто субъектным спряжением, засвидетельствованных в исследуемых текстах эпоса, удалось установить следующие показатели субъекта: 2 лицо ед. числа — префикс -e-, 3 лицо ед. числа соц.-акт. класса — префикс -p-, 3 лицо ед. числа соц.-пас. класса — префикс -b-, 3 лицо мн. числа — p... es. В роли показателя субъекта 3 лица мн. числа, представляющего собой коллектив, как показали исследуемые тексты, мог выступать префикс -b- (показатель субъекта 3 лица ед. числа соц.-пас. класса Praeteritum).

При исследовании причин отсутствия показателей прямого объекта в глагольных формах оказалось, что следует иметь в виду следующие два момента:

I. Прямой объект фактически отсутствует в предложении. Подобное явление имеет место у составных глаголов, получивших непереходное значение, но спрягающихся по переходному типу. Переходный тип спряжения этих глаголов объясняется тем, что их именная часть продолжает выполнять роль формального прямого объекта.

II. Прямой объект присутствует в предложении, но в глаголе не отмечается.

Основная масса примеров на этот случай — глагольные формы 3 лица ед. числа соц.-акт. класса с прямым объектом 3 лица ед. числа соц.-акт. или соц.-пас. классов. Показателем субъекта 3 лица ед. числа соц.-акт. класса, как уже отмечалось, был префикс -p-. Этот же префикс и в той же позиции выполнял роль показателя прямого объекта 3 лица ед. числа соц.-акт. класса. Показателем прямого объекта 3 лица ед. числа соц.-пас. класса был префикс -b-. Таким образом, при условии отражения в глаголе прямого объекта и субъекта одновременно, должны были возникнуть формы типа i-p-n-R и i-b-p-R. Вполне понятно, что в первом случае это должно было дать i-p-R, т. е. чисто субъектное спряжение, во втором, по законам фонетики, i-b-R, т. е. чисто объектное спряжение. Однако, как показывают примеры, и во втором случае глагол, как правило, имел форму типа i-p-R. Поскольку у нас нет достаточных оснований считать, что -b-p- > -p-, приходится предположить, что префикс -b- здесь вообще отсутствовал, т. е. перед нами чисто субъектное спряжение.

Таким образом, в случаях возможного столкновения на одной позиции показателей субъекта и прямого объекта шумерийцы в текстах эпоса отказывались от постановки показателя прямого объекта.

В ряде случаев (но они составляют меньшинство) в глагольных формах отсутствует и показатель субъекта -p-. Его отсутствие, как правило, можно объяснить фонетическими причинами (наличие -p- в предшествующем локативном префиксе), иногда же это явление следует отнести за счет исторического написания.

§ IV. PRAESENS-FUTURUM.

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

На основе анализа засвидетельствованных в текстах эпоса форм Praesens-Futurum с показателями субъекта и прямого объекта оказалось возможным установить следующие показатели субъекта и прямого объекта:

Показатели субъекта (в скобках дан восстановленный показатель):

ед. число		мн. число
1 л. -en		1 л. -enden
2 л. -en		2 л. -(enzen)
3 л. -e		3 л. -ene, -e

Показатели прямого объекта:

ед. число		мн. число
1 л. -?		1 л. } не засвид.
2 л. -e		2 л. }
3 л. соц.-акт. -p-		
3 л. соц.-пас. -b-		3 л. -b-

Субъектно-объектное спряжение в Praesens-Futurum в исследуемых эпических текстах было гораздо распространеннее чем в Praeteritum.

V. PRAESENS-FUTURUM. СУБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

В результате исследования форм Praesens-Futurum чисто субъектного спряжения удалось установить следующие показатели субъекта:

ед. число
1 л. -en
2 л. -en
3. -e

мн. число
1 л. -enden
2 л. -enzen
3 л. -ene, -e

Чисто субъектное спряжение глагола, как показали материалы эпоса, обуславливалось следующими причинами:

I. Прямой объект фактически отсутствует в предложении. Как и в случае с Praeteritum, речь идет о составных глаголах, получивших непереходное значение, но спрягающихся по переходному типу.

II. Прямой объект присутствует в предложении, но не отмечается в глагольной форме. Здесь в свою очередь следует различать два пункта:

A. Прямой объект не отмечается в глагольной форме, вероятно, в силу традиционного, исторического написания, а именно при глаголах dū «строить», kú «есть», zu «знать», tuku «иметь».

Б. В исследуемых эпических текстах засвидетельствован ряд случаев, когда в глагольных формах в Praesens-Futurum там, где должен стоять показатель прямого объекта -b- стоит префикс -n-, который, может быть, представляет собой либо показатель каузатива, либо сокращенную форму префикса дательного падежа -na- или локативного падежа -ni-. Поскольку трудно предположить, что -b-n- могло дать -n-, следует считать, что префикса -b- здесь вообще не было и перед нами чисто субъектное спряжение, например, ep-га é-sikil-bi hu-mu-un-gá-gá. «Для верховного жреца пусть возведут этот чистый храм!» (hu-mu-un-gá-gá < *hé-mu-na-gá-gá-e)

или se barag-ga nam-mu-un-si-si-ig-ge «Пусть он насыплет зерно в корзины!» (nam-mu-un-si-si-ig-ge < *nam-mu-ni-si(g)-sig-e).

Судя по небольшому числу примеров, чисто субъектное спряжение в Praesens-Futurum было мало распространено (случаи, где отсутствие в глагольных формах показателей прямого объекта можно объяснить фонетическими причинами, мы относим к субъектно-объектному спряжению).

§ VI СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Как уже указывалось выше, в спряжении глаголов движения наблюдается та особенность, что некоторые из них при непереходном значении имеют переходные формы.

По типу спряжения глаголы движения, обнаруженные в исследуемых текстах, оказалось возможным разделить на три следующие группы:

а) глаголы, засвидетельствованные только в непереходных формах: u₅ «отправляться в путь», úg «входить», súg (sus) «приходить, подходить»,

б) глаголы, встретившиеся как в переходных, так и в непереходных формах: du «идти», te «приближаться», gí₄ «возвращаться», gíg «поворачиваться», è «выходить»,

в) глаголы, засвидетельствованные только в переходных формах: zì «подниматься», ús «следовать», búg «спешить», en «выходить, восходить, сходить», (tu(r) «входить» и составные глаголы движения: dúg-bad «быстро шагать», gir-nigin «кружить», gir-tag «мчаться», ù-gu- ... dé «идти, уходить».

Глаголы первой группы в исследуемых текстах обнаружены в формах 3 лица ед. и мн. числа и 1 лица мн. числа с соответствующими окончаниями: -o, es, -enden.

Глаголы второй группы засвидетельствованы как с непереходным типом спряжения (в формах 2 и 3 лица ед. числа они имеют окончания -en, -o), так и с переходным типом спряжения (в формах 3 лица ед. числа соц.-акт. и соц.-пас. классов имеются субъектные показатели -n- и -b-). Формы мн. числа в текстах эпоса не встретились. Для Praesens-Futurum засвидетельствованы формы 3 лица ед. числа с суффиксом -e. Наконец, глаголы третьей группы в Praeteritum засвидетельствованы в формах 3 лица ед. числа соц.-акт. класса с субъектным показателем -n-, в Praesens-Futurum в формах 1, 2 и 3 лиц ед. числа с субъектными показателями: -en, -en, -e.

Интересно отметить, что иногда в глаголах третьей группы в Praesens-Futurum появляется префикс -n-. Поскольку глаголы остаются по содержанию непереходными, несмотря на переходный тип спряжения, едва ли этот префикс можно рассматривать как показатель каузатива. Довольно легко этот префикс можно было бы объяснить как сокращенную форму префикса дательного падежа -na- или локативного падежа -ni-, если бы не два случая, где в глагольной форме -n- и -ni- стоят одновременно. Поэтому нельзя ли считать, что префикс -n- в данном случае развился в общий признак переходного типа спряжения? (тогда объяснимо, почему этот префикс отмечался даже в формах 3 лица ед. числа, где суффикс -e, казалось бы, уже достаточно точно определял тип спряжения).

Поскольку в более ранних шумерских текстах не наблюдаются случаи спряжения глаголов движения по переходному типу, вероятно, это явление следует объяснить влиянием аккадского языка, где глаголы движения управляли винительным падежом.

§ VII. КАУЗАТИВ

С проблемой спряжения шумерского глагола тесно связан вопрос о наличии каузатива в шумерском языке. Относительно существования каузатива в шумерском языке в настоящее время существуют следующие точки зрения: А. Пибель признавал наличие каузатива и считал его показателями префиксы -n- и -b-, стоящие непосредственно перед глагольным корнем. Этой же точки зрения придерживаются Э. Сольберже и В. Кристиан. Напротив, А. Фалькенштейн и Р. Жестен отрицают существование специальных каузативных показателей в шумерском языке, например, по мнению Р. Жестена, каузативный характер глагола определялся контекстом.

В исследуемых текстах эпоса засвидетельствовано несколько примеров, где префиксы -n- и -b- нельзя объяснить иначе как показатели каузатива, например, *guskin kubabbar ha-ma-an-galam-e* «золото и серебро пусть они искусно обработают!», *túg na-an-gig-ge túg na-an-babbar-ge* «одежду пусть он сделает не черной, одежду пусть он сделает не белой!» или *gub-ba nu-ub-sig₁₀-ge tus-a nu-ub-sig₁₀-ge* «стоящий не молчит (буквально: «не дает быть молчанию»), сидящий не молчит».

Как показывают материалы эпоса, каузативные показатели применялись, как правило, при обычно непереходных глаголах, употребляемых в переходном смысле. Относительно существования каузатива от переходных глаголов сказать что-либо определенное трудно, так как засвидетельствовано всего два примера, причем, в них представлены глаголы *zu* «знать» и *sa₄* «называть», которые во многих языках грамматически отличаются от других переходных глаголов.

§ VIII. СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ С ПРЕФИКСОМ НАКЛОНЕНИЯ *ga-*

Глагольные формы с префиксом наклонения *ga-*, выражающим намерение и употребляемом только с 1-м лицом, судя по текстам эпоса, имели особый тип спряжения. Особенность их спряжения состояла в том, что в ед. числе в них никогда не было субъектного показателя, а во мн. числе субъект отмечался с помощью суффикса *-enden*. Отсутствие субъектных показателей в формах с *ga-* в ед. числе, очевидно следует объяснить тем, что префикс *ga-* сам выполнял роль субъектного показателя 1 лица ед. числа.

Формы с префиксом *ga-* засвидетельствованы как от переходных, так и от непереходных глаголов. В формах от переходных гла-

голов мог отмечаться прямой объект. На основе текстов эпоса удалось установить следующие показатели прямого объекта у глагольных форм с префиксом *ga-*: 2 лицо ед. числа — префикс *-e-*, 3 лицо ед. числа соц.-акт. класса — префикс *-n-*, 3 лицо ед. числа соц.-пас. класса — префикс *-b-*, т. е. формы, совпадающие с показателями прямого объекта в Praesens-Futurum.

§ IX. ОБОРОТЫ С ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ, УКАЗЫВАЮЩИМ НА СУБЪЕКТ

В текстах эпоса засвидетельствованы примеры, которые в грамматике А. Фалькенштейна рассматриваются как случаи так называемого «местоименного спряжения». Суть «местоименного спряжения» по А. Фалькенштейну состоит в том, что к неспрягаемой глагольной форме или к спрягаемой форме после ее номинализации прибавлялись притяжательные местоимения, указывающие на логический субъект. Предлагаемое А. Фалькенштейном название «местоименное спряжение» кажется не совсем удачным, так как здесь речь идет о причастных оборотах или оборотах с номинализованной спрягаемой формой глагола, которые передают содержание придаточных предложений. В сочетании с местоимением они представляют собой формально притяжательную конструкцию; притяжательное местоимение указывает при этом на логический субъект выражаемого оборотом действия или состояния.

В текстах эпоса засвидетельствованы обороты с притяжательным местоимением 3 лица ед. числа соц.-акт. класса *-ni* и соц.-пас. класса *-bi*.

Глава III.

ВЫВОДЫ

В этой главе подводятся итоги фактам, установленным в результате исследования шумерских героико-эпических текстов относительно спряжения шумерского глагола.

1. Материалы эпоса подтвердили мнение А. Пибеля и А. Фалькенштейна о существовании формального различия между переходными и непереходными глаголами и опровергли точку зрения Р. Жестена, Э. Сольберже и В. Кристиана, согласно которой этого различия не существовало.

По материалам эпоса формальное различие между переходными и непереходными глаголами заключалось в следующем: непереходный глагол в противоположность переходному имел одну фор-

му спряжения. Мнение А. Пибеля о наличии у непереходного глагола двух форм спряжения — Praesens-Futurum и Praeteritum материалами эпоса не подтверждается.

По А. Пибелю непереходный Praesens-Futurum отличался от Praeteritum вставкой во всех лицах суффикса -ed и присоединением в 3 лице ед. числа окончания -e, а в 3 лице мн. числа -ene. Материалы эпоса показали, что выделение в отдельный вид спряжения форм с суффиксом -ed не имеет смысла. Во-первых, и без суффикса -ed формы непереходного глагола в текстах эпоса могли выражать незавершенное состояние. Во-вторых, поскольку у переходных глаголов этот суффикс не указывал на особый вид спряжения, то естественно предположить, что точно также обстояло дело и у непереходных глаголов.

Далее, для 3 лица ед. числа непереходного глагола в текстах эпоса засвидетельствовано 32 примера. Из них только в двух случаях после глагольного корня стоит суффикс -e. В обеих формах, судя по контексту, следует предположить присутствие суффикса -ed, который в исходе слова дал -e. В остальных 30 случаях глаголы не имеют субъектного показателя.

Для 3 лица мн. числа встретилось 8 примеров. Во всех случаях субъектным показателем в глаголах является суффикс -es.

Таким образом, для рассматриваемых текстов эпоса оказывается неверным положение А. Пибеля о переходе в «послешумерский» период непереходных глаголов к спряжению по переходному типу. Высказывание А. Пибеля оказывается верным только по отношению глаголов движения.

2. Относительно спряжения переходных глаголов материалы исследуемых текстов подтвердили теорию А. Пибеля и А. Фалькенштейна, а именно: переходный глагол имел две формы спряжения — Praesens-Futurum и Praeteritum. В переходном глаголе мог отмечаться как субъект, так и субъект и прямой объект одновременно. Парадигмы субъектного спряжения, составленные на основе текстов эпоса, полностью совпали с парадигмами, предлагаемыми А. Пибелем и А. Фалькенштейном. Следует добавить, что согласно данным эпоса, показателем субъекта 3 лица мн. числа в Praeteritum мог быть префикс -b- (подтверждается мнение А. Пибеля и А. Фалькенштейна), а в 3 лице мн. числа Praesens-Futurum — суффикс -e, субъектный показатель 3 лица ед. числа.

Материалы эпоса оказали большую помощь в разрешении трудного вопроса о показателях прямого объекта у переходного глагола. Данные эпоса дали возможность установить, что у переходного

глагола в Praeteritum и Praesens-Futurum были различные показатели прямого объекта.

В Praeteritum для прямого объекта 1 лица ед. числа установлен показатель суффикс -en, для прямого объекта 3 лица мн. числа — -es. Поскольку приведенные показатели совпадают с показателями субъекта непереходного глагола, можно восстановить остальные показатели: 2 лицо ед. числа -en, 1 лицо мн. числа -enden, 2 лицо мн. числа -enzen. Без показателя остается прямой объект 3 лица ед. числа, так как у непереходного глагола в этом лице не было субъектного показателя. А. Пибель считал, что прямой объект в этом лице не имел показателя, А. Фалькенштейн полагает, что прямой объект 3 лица ед. числа соц.-акт. класса отмечался в глаголе с помощью префикса -n-, а прямой объект 3 лица соц.-пас. класса с помощью префикса -b-. Что дают материалы эпоса?

В текстах эпоса засвидетельствованы 3 примера с глагольной формой 3 лица ед. числа соц.-акт. класса с прямым объектом 3 лица ед. числа соц.-пас. класса, в которых перед корнем стоит префикс -b-. Так как в текстах эпоса в таких случаях субъект отражался в глаголе в виде префикса -n-, префикс -b- может отмечать только прямой объект. Следовательно, по данным эпоса, показателем прямого объекта 3 лица ед. числа соц.-пас. класса в Praeteritum был префикс -b-. Показателем прямого объекта 3 лица ед. числа соц.-акт. класса, очевидно, был префикс -n- (дело в том, что примеров, на основе которых можно это установить, не засвидетельствовано).

Трудным является вопрос о том, как отмечался прямой объект в глагольных формах 3 лица мн. числа, так как в них неизбежно должно было произойти столкновение показателей.

Материалы эпоса в этом отношении дают следующее: прямой объект не отмечается (правда, во всех случаях речь идет о прямых объектах 3 лица ед. числа соц.-акт. или соц.-пас. классов). Возможно, в иных случаях субъектный показатель -n- ... -en заменялся -b- (коллектив) и тогда показатель прямого объекта мог ставиться после глагольного корня. Однако таких примеров в наших текстах не обнаружено.

На материале эпоса не удалось также решить вопрос о том, как отмечался прямой объект в Praeteritum в формах 2 лица мн. числа где, согласно А. Фалькенштейну, субъектный показатель был -e- ... -a-(e)ne (таких форм в исследуемых текстах не засвидетельствовано).

В Praesens-Futurum по данным, полученным при изучении эпических текстов, были следующие показатели прямого объекта:

ед. число		мн. число	
1 л.	-	1 л.	} не засвид.
2 л.	-e-	2 л.	
3 л. соц.-акт. -п-		3 л. -b-	

Формы с прямым объектом 1 лица ед. числа засвидетельствованы только в двух случаях. Судя по ним, показателем прямого объекта 1 лица ед. числа был либо какой-то гласный, поглощавшийся, как правило, предшествующим гласным, либо нулевой показатель.

Итак, показателями прямого объекта в ед. числе Praesens-Futurum, согласно эпосу, были соответствующие субъектные показатели Praeteritum.

Что касается показателей прямого объекта мн. числа, то материалы эпоса позволяют установить показатель только для прямого объекта 3 лица мн. числа. В этой роли выступал префикс -b- (вместо ожидаемого -п- ... -es). Формы с прямым объектом 1 и 2 лица мн. числа в текстах эпоса не встретились. Судя по всему, эти формы были мало употребительны.

Итак, материалы эпоса не подтвердили положение А. Пибеля, согласно которому в Praesens-Futurum прямой объект вообще не отмечался, а также точку зрения А. Фалькенштейна, который полагал, что у переходного глагола в Praeteritum и Praesens-Futurum в принципе были одни и те же показатели прямого объекта. Правда, по мнению А. Фалькенштейна, в Praesens-Futurum эти показатели, за исключением префиксов -п- и -b- могли употребляться только в формах 3 лица ед. числа.

Примеры с глагольными формами 3 лица ед. числа обнаруженные в текстах эпоса, не подтверждают мнение А. Фалькенштейна — прямой объект во всех случаях отмечается в глаголе с помощью префиксов.

Существующий в настоящее время спор о том, отмечали ли префиксы -п- и -b- в Praeteritum только субъект или то субъект, то прямой объект, на материале эпоса решается следующим образом: засвидетельствовано 170 примеров с глагольными формами Praeteritum с префиксом -п-. Во всех 170 случаях префикс -п- отражает субъект. С префиксом -b- обнаружено 12 примеров, из них в девяти он отражает субъект, в трех — прямой объект.

Итак, в исследуемых текстах префикс -п- в Praeteritum отмечал в глаголе только субъект, префикс -b- главным образом субъект и реже прямой объект. Иными словами, в Praeteritum в текстах эпоса преобладало чисто субъектное спряжение.

Переход к чисто субъектному спряжению в исследуемых тек-

стах наблюдается также и в Praesens-Futurum. Однако следует отметить, что чисто субъектное спряжение здесь встречалось все-таки реже, чем в Praeteritum.

Таковы основные выводы относительно спряжения шумерского глагола, полученные в результате исследования текстов шумерского героического эпоса.

Диссертация сдана в печать. Основные выводы и отдельные разделы диссертации опубликованы в статьях:

Шумерский героический эпос (исторический и грамматический очерк). Вестник Древней истории № 3, стр. 245—267, 1964 г., № 4 стр. 191—225, 1964 г.

Глаголы движения (на материале шумерского героического эпоса). Сб. «Ассириология и египтология», 1964 г., стр. 51—59.